

День поэзии серебряного века

Анечка

номер ответственного 8(964)712-26-20 - Дашка

Цель:

- 1) Рассказать об основных особенностях серебряного века литературы: направления, причины и последствия. Показать тяжелые судьбы поэтов серебряного века, истории их жизни, взаимоотношения друг с другом. Показать влияние жизни поэта на его творчество. На примере личных историй поэтов показать, почему поэзия серебряного века была именно такой
- 2) Показать, что для поэзии нет единого стандарта и шаблона, и любое стихотворение может считаться произведением искусства

Атмосфера:

Мы находимся во второй половине 20 века, серебряный век уже закончился. Дети и их инструктора (на первые этапы) - работники издательства, которые на данный момент занимаемся созданием сборника посвященному поэзии серебряного века и его самым "ярким" представителям.

Расписание:

17:15 Добро пожаловать в дом поэтов
17:20 Дом поэтов
18:00 Работа над книгой
18:20 Дневник поэта
18:30 Поэтический вечер символистов
18:50 Воспоминание 1
19:05 Воспоминание 2
19:20 Поэтический вечер акмеистов
19:30 Ужин
20:00 Продолжение поэтического вечера акмеистов
20:15 Воспоминание 3
20:30 Воспоминание 4
20:45 Поэтический вечер футуристов
21:10 Воспоминание 5
21:30 А что стало с серебряным веком?
21:40 Отрядная свечка
22:20 Общая свечка
22:50 ВЛГ
23:00 Отбой

17:15 Заставка

НЕ ИГРАЕШЬ

17:20 Дом писателей

ВЕДЕШЬ СТАНЦИ. "ЗНАКОВЫЕ МЕСТА". Тебя зовут - Ксения Радищева. _____

7-12 минут

СТАНЦИЯ	МЕСТО	ЧЕЛОВЕК
Знаковые места	отрядная на втором этаже	Аня Л

18:00 Работа над книгой

ОФОРМЛЯЕШЬ ВЕЧЕР СИМВОЛИСТОВ и КВЕСТЫ

ЗАКРЕПЛЕННЫЕ ЗА ПОЭТАМИ КОМНАТЫ

ОТРЯД 1 (отряд Игоря и Рони)	ОТРЯД 2 (отряд Антона Н и Тани)	ОТРЯД 3 (отряд Антона Т и Ани)
Гиппиус - Катя Ф <u>Декаденс, символизм</u> (комната на втором этаже, справа от лестницы)	Цветаева - Аня Л <u>Вне направлений</u> (отрядная на втором этаже)	Есенин - Сережа И <u>Крестьянство, имажинизм</u> (второй этаж, самая левая, оргов)
Ахматова - Поля М <u>Акмеизм</u> (комната с печкой)	Гумилев - Антон Н <u>Акмеизм</u> (справа от входа в мал.холл)	Мандельштам - Игорь <u>Футуризм, акмеизм</u> (Справа от выхода из туалета)
Маяковский - Стас <u>Футуризм</u> (детская комната на втором, слева от лестницы)	Северянин - Макс Б <u>Эго-футуризм</u> (второй этаж, самая правая оргов)	Блок - Антон Т <u>Символизм</u> (второй этаж средняя, оргов)

18:20 Дневник поэта

ТВОЯ ЗАКРЕПЛЕННАЯ КОМНАТА: ОТРЯДНАЯ НА ВТОРОМ ЭТАЖЕ

Когда к тебе дошли твои дети, завязываешь им глаза и заводишь в свою комнату.

После, читаешь страницу из своего личного дневника, она может описывать поэта, событие из его жизни, кто он сейчас и так далее.

А после прочтения этой самой страницы, ты снимаешь с детей повязки, здоровается как со старыми друзьями и мы вместе отправляемся на поэтический вечер **символистов (Большой холл - столовая)**

Ребенок 1 _____

Ребенок 2 _____

Ребенок 3 _____

Ребенок 4 _____

18:30 Поэтический вечер символистов

Или идешь с детьми, или оформляешь квесты

можешь идти, можешь оформлять квесты (АКМЕИЗМА И ФУТУРИЗМА ЕЩЕ НЕТ)

ВАЖНО: Там будет Порнок, вы еще не знакомы

ЧТО ТАКОЕ ВОСПОМИНАНИЕ:

В течение дня нас ждет 5 “воспоминаний” с перерывами на поэтические вечера (общий этап).

Что такое “воспоминание”? Воспоминание – это квест с моментом из жизни этого писателя, который мог повлиять на него. Все пять квестов идут с взрослением поэта (от детства до смерти, например).

Формат всех квестов:

Поэт завязывает детям глаза, начинает рассказывать про какое-то событие в своей жизни, читает стихотворение, которое он написал переживая этот период в своей жизни (ПРИМЕР: Мне было 10 лет когда я переехал в другой город, тогда я написал этот стих). Начинаешь его читать.

После идет погружение в мир, вы дочитывает стих, открывает детям глаза.

Играем в квест.

Отводим детей обратно в комнату, рассказ от первого лица где рассказывается реальный конец это события в жизни писателя.

Начинаем читать про следующее воспоминание.

Механики для квестов:

1. ВЫБОР

С самого начала, когда дети еще с закрытыми глазами, ты вводишь их в атмосферу, нужно определить кем дети являются в мире. Они тоже становятся игровыми персонажами, тусуются вместе с поэтом, он просит у них помощи, спрашивает мнение в решении вопросов

2. МИР

Атмосферный мир, в котором что-то происходит, они отыгрывают атмосферу (если это бал - они танцуют на балу), наблюдая за жизнью писателя, могу с ним общаться, но призывать его делать что-то не получится, он действует по сценарию. Они могут делать что-то не связанное с историей поэта (допустим, помогать в чем-то).

3. СЛОВЕСКА

Это прописанная словесная игра, где дети могут говорить, принимать решения, что делать дальше, участвуют в происходящем и тд. Обычная словесная игра.

ВАЖНО: НЕСМОТРЯ НА ТО, ЧТО ВЫБРАЛИ, ЕСТЬ ЗАРАНЕЕ ПРОПИСАННЫЙ СЦЕНАРИЙ, КОНЦОВКА ОСТАНЕТСЯ ТАКОЙ, КАК БЫЛА В РЕАЛЬНОСТИ В ЖИЗНИ ПИСАТЕЛЯ

18:50 Воспоминание 1

Играешь: Марина Ивановна Цветаева

Квест группа: Витал (Эфрон)

Место: Лаборатория

Дети: Вера Эфрон, Елизавета Эфрон, Мария\Сергей (любые имена, их не существует)

Краткое описание: события происходят в формате мира + в конце словеска. Всё происходит на даче у Волошина в Коктебеле. Знакомство с Эфроном, к тебе жоско подкатывает Витал.

19:05 Воспоминание 2

Играешь: Марина Ивановна Цветаева

Квест группа: Майя (Порнок)

Место: Маленький холл

Дети: Гости литературного салона

Краткое описание: знакомство и дружба))) с Порнок. Читаете стихотворения, вы друг другу понравились, дети будут придумывать план купидона - как вас свести и познакомить.

19:20 Поэтический вечер акмеистов

НЕ ПРИХОДИШЬ!!! ОФОРМЛЯЕШЬ БУДУЩИЕ КВЕСТЫ

19:30 Ужин

Приятного аппетита!!!

20:00 Продолжение поэтического вечера акмеистов

ОФОРМЛЯЕШЬ БУДУЩЕЕ КВЕСТЫ

20:15 Воспоминание 3

СОВМЕСТНЫЙ С ОСИПОМ МАНДЕЛЬШТАМОМ (ИГОРЬ МУХИН)

Играешь: Марина Ивановна Цветаева

Квест группа: Таня Лобанова (работница в доме)

Место: Комната Цветаевой (отрядная на втором этаже)

Дети: Челики, которые подслушивают разговор и делают вид, что они работники.

Краткое описание: Мандельштам приезжает в квартиру, романтик все дела, узнает, что у тебя есть муж (ого....). Общаетесь, дети готовят бутеры и подслушивают все.

20:30 Воспоминание 4

Играешь: Марина Ивановна Цветаева

Квест группа: Аня Юрлова

Место: Комната Цветаевой (отрядная на втором этаже)

Дети: Мысли

Краткое описание: Словеска о том, Марина живет в бедности, не хочет работать и сдает детей в приют. Заканчивается всё на смерти ее младшей дочери Иры.

20:45 Поэтический вечер футуристов

СОБЫТИЕ: Дуэль за звание Короля Поэтов

ВЫСТУПАЮТ: Северянин (Макс Б), Маяковский (Стас), Крученых - актер (Таняша Л), Бурлюк - актер (Ваня С)

КРИТИКИ: Обсуждают два прошедших события поэтов своего отряда (вся инф в приложении к памяткам)

ТЫ ТАМ ДОЛЖНА БУДЕШЬ ГОВОРИТЬ (ИНФ В ПРИЛОЖЕНИИ К ПАМЯТКЕ)

Идешь, можешь обсуждать с детьми других поэтов, кричать что-то (если прописано в вечере). ВСЯ ИНФ. В ПРИЛОЖЕНИИ К ПАМЯТКЕ

21:10 Воспоминание 5

Играешь: Марина Ивановна Цветаева

Квест группа: Ваня (твой сын)

Место: Комната Цветаевой (отрядная на втором этаже) - собираем вещи. Комната Гиппиус (справа от лестницы на втором этаже, детская) - купе, комната Гумилева (справа от входа в мал.холл)

Дети: Знакомые друзьяшки

Краткое описание: Мы едем в поезде с сыном МЦ, там она творит что-то странное. Мы собираем её вещи. Она всё время обеспокоена, опечалена. Говорит, что скоро приедем, нужно собирать вещи в чемоданы. Мур её пытается успокоить.

21:30 А что стало с серебряным веком?

уборка!! ты молодец!

21:40 Отрядная свечка

22:20 Общая свечка

22:50 ВЛГ

23:00 Отбой

ПРИЛОЖЕНИЕ К ПАМЯТКЕ

ВОСПОМИНАНИЕ 1

Кратко: события происходят в формате мира + в конце словеска. Всё происходит на даче у Волошина в Коктебеле.

Вещи: чемодан с нарядами, тетрадь, деревянная перьевая ручка (если найдем), черный кофе

Ввод:

Совсем недавно я выпустила свой первый сборник стихов "Вечерний альбом". Мне было всего 18 лет, я еще не окончила гимназии. Но всё же смогла собрать деньги и выпустила свой первый сборник. В нём было 111 стихотворений, поделенных на три тематических раздела — «Детство», «Любовь» и «Только тени». Критики сразу слетелись на него, я получала много положительных комментариев, людям нравились мои стихотворения. В частности, сборник оценил мой друг Максимилиан Волошин. Он писал:

«К Вам душа так радостно влекома!

О, какая веет благодать

От страниц «Вечернего альбома»!
(Почему «альбом», а не «тетрадь»?)
Почему скрывает чепчик чёрный
Чистый лоб, а на глазах очки?
Я заметил только взгляд покорный
И младенческий овал щеки,
Детский рот и простоту движений,
Связанность спокойно-скромных поз...
В Вашей книге столько достижений...
Кто же Вы?
Простите мой вопрос.
Я лежу сегодня — невралгия,
Боль, как тихая виолончель...
Ваших слов касания благие
И в стихах крылатый взмах качель
Убаюкивают боль... Скитальцы,
Мы живём для трепета тоски...
(Чьи прохладно-ласковые пальцы
В темноте мне трогают виски?)
Ваша книга странно взволновала —
В ней сокрытое обнажено,
В ней страна, где всех путей начало,
Но куда возврата не дано.
Помню всё: рассвет, сиявший строго,
Жажду сразу всех земных дорог,
Всех путей... И было всё... так много!
Как давно я переиёл порог!
Кто Вам дал такую ясность красок?
Кто Вам дал такую точность слов?
Смелость всё сказать: от детских ласок
До весенних новолунных снов?
Ваша книга — это весть «оттуда»,
Утренняя благодатная весть.
Я давно уж не приемлю чуда,
Но как сладко слышать:
«Чудо — есть!»».

После выпуска сборника я решила, что не буду сдавать экзамен в педагогический восьмой класс и вообще прекратила занятия в гимназии. Я собиралась в Гурзуф. Но Волошин договорился о её приезде в Коктебель. После целого дня певучей арбы по дебрям восточного Крыма я впервые ступила на Коктебельскую землю, перед самым Максиным домом, из которого уже огромными прыжками, по белой внешней лестнице, несся мне навстречу — совершенно новый, неузнаваемый Макс. Макс легенды, а чаще сплетни (злостной!), Макс в кавычках «хитона», то есть попросту длинной полотняной рубашки, Макс сандалий... Макс полынного веночка и цветной подпояски, Макс широченной улыбки гостеприимства, Макс — Коктебеля.

Дети: Вера Эфрон, Елизавета Эфрон, Мария\Сергей (любые имена, их не существует)

Орги: Сергей Эфрон, Ася Цветаева (если можно)

Всё начинается с того, что мы сидим на даче у Волошина.

Сергей: Макс искал Вас.

Цветаева: Вот и я, а он куда запропастился?

Сергей: Да убежал, Вы же знаете, Макс в Коктебеле это совсем другой человек. Я смотрю, вы с ним близки, не так ли? Раз он статьи о Вас пишет.

Цветаева: Статьи? Я не видела никаких. Что за статьи?

Сергей: Да неужели вы не читали газет?

Цветаева: Я газет не читаю и никого не вижу. Мой отец до сих пор не знает, что я выпустила книгу. Может быть, знает, но молчит. И в гимназии молчат

Сергей: А вы — в гимназии? Да, вы ведь в форме. А что вы делаете в гимназии.

Цветаева: Пишу стихи.

Сергей: Тогда держите, прочитайте.

Цветаева дает кому-то из детей прочитать (*Смотри приложение*)

Цветаева: Вся статья — самый беззаветный гимн женскому творчеству и семнадцатилетию. Макс Волошин был первым, кто прочитал «Вечерний альбом» и сразу же на него отозвался, именно поэтому я нахожусь сейчас здесь. В моей книге он увидел почти всё. Он оценил в стихах главное — искренность. Он мне сказал, никому в поэзии не удавалось писать о детстве из детства. Его слова: Это очень юная и неопытная книга, — её нужно читать подряд, как дневник, и тогда каждая строчка будет понятна и уместна. Автор её владеет не только стихами, но и чёткой внешностью внутреннего наблюдения. Не взрослый стих, иногда неуверенный в себе и ломающийся, как детский голос, умеет передать оттенки, недоступные стиху взрослому. «Вечерний альбом» — это прекрасная книга, исполненная истинно женским обаянием».

Сергей: То есть вы всё-таки близки с ним?

Цветаева: Не могу понять к чему вы клоните.

Сергей: А если прямо сейчас, то что-то написать можете?

Цветаева: Ну просто так взять и сесть я не могу.

Сергей: А что для этого надо? Вам сейчас «имена детей» помогут.

Цветаева: Изначально нужно все убрать со стола.

убирают

Сергей: Что-то еще?

Цветаева: Мне нужна тетрадь, на отдельных листах я не пишу.

находят тетрадь

Цветаева: Мне нужна деревянная ручка с тонким пером (если найдем)

Цветаева: Также, мне нужен черный кофе, который будет стоять на столе.

Теперь я сажусь, никто не должен меня отвлекать. (*Лбом упиралась в ладонь, пальцы запускала в волосы, сосредоточивалась мгновенно. Глохла и слепла ко всему, что не рукопись, в которую буквально впивалась — острием мысли и пера*). Она села писать, а дети остались с Эфроном.

Сергей: Вы не представляете как меня обворожила Марина, мне кажется, что прекраснее девушки я не видал. Как бы мне ее пригласить? \обсуждают на какое свидание ее позвать, в итоге выходят к пляжу\

Спустя какое-то время

Цветаева: Получилось немного, но вполне прилично.

Есть такие голоса,

Что смолкаешь, им не вторя,

Что предвидишь чудеса.

Есть огромные глаза

Цвета моря...

Сергей: Это потрясающе. Может прогуляемся на пляж?

Цветаева: Давайте. Я вас догоню.

Эфрон уходит

Цветаева: Что же мне надеть? Помогите выбрать, пожалуйста, вот у меня тут есть...

Дальше дети с Мариной одевают ее на свидание

Дальше дети закрываются глаза и здесь романтический текст о том, как влюбляются на пляже. ([На выходных напишу](#))

Вывод: Совсем скоро после этой прогулки по пляжу мы обвенчались с Серёжей. Нам пришлось ждать год, чтобы Сереже исполнилось 18, и мы могли пожениться. Мы очень сильно друг друга полюбили. Первое время мы жили в полной любви и гармонии. Наши отношения были очень нежными и уважительными: «Мы никогда не расстаемся. Наша встреча — чудо... Он — мой самый родной на всю жизнь. Я никогда бы не могла любить кого-нибудь другого, у меня слишком много тоски и протеста. Только при нем я могу жить так, как живу — совершенно свободная»

Да, я, пожалуй, странный человек,
Другим на диво!
Быть, несмотря на наш двадцатый век,
Такой счастливой!

Не слушая о тайном сходстве душ,
Ни всех тому подобных басен,
Все м говорить, что у меня есть муж,
Что он прекрасен!..

Я с вызовом ношу его кольцо!
— Да, в Вечности — жена, не на бумаге. —
Его чрезмерно узкое лицо
Подобно шпаге.

Безмолвен рот его, углами вниз,
Мучительно-великолепны брови.
В его лице трагически слились
Две древних крови.

Он тонок первой тонкостью ветвей.
Его глаза — прекрасно-бесполезны! —
Под крыльями распахнутых бровей —
Две бездны.

В его лице я рыцарству верна,
— Всем вам, кто жил и умирал без страху! —
Такие — в роковые времена —
Слагают стансы — и идут на плаху.

ВОСПОМИНАНИЕ 2

Знакомство и дружба с Парнок.

Кратко: Мы приходим на литературный вечер, где выступает Парнок, там Цветаева ею восхищается и наоборот. У них завязывается дружба.

Ввод: Я была частым гостем в литературных салонах. Могла прийти туда как с мужем, так и без него. На этот раз я решила отправиться одна. Часто пересекалась с каким-то людьми, не могу сказать, что они вызывали у меня какой-то восторг. Уважение — да. Сама я периодически тоже выступала на таких мероприятиях. Самым интересным там для меня казалось это встречать разнообразных людей.

Кто-то мог быть интересным, а кто-то до ужаса скучен. Надеюсь, что сегодняшнее мое посещение особняка писательницы Аделаиды Герцык не разочарует меня.

Что ты любовь моя —
Пора бы знать.
Приди в полночный час,
Скажи, как звать.
Приди в полночный час,
В полночный бой.
Спит матушка с отцом,
Мне спать — с тобой.
Рукою стукни в дверь!
На этот стук
Спросонья скажет мать:
— Еловый сук!
И в горенку скорей!
Скорей в постель!
Тебя теснее обовью,
Чем плющ и хмель.
Что ты любовь моя —
Пора бы знать.
Приди в полночный час,
Скажи, как звать.

Дети: Гости литературного салона.

Орги: София Парнок, (если есть еще свободные, то можно гостями посадить)

Всё начинается с выступления Парнок. Она читает стихотворение:

Да, я одна. В час расставанья
Сиротство ты душе предрек.
Одна, как в первый день созданья
Во всей вселенной человек!
Но, что сулил ты в гневе суетном,
То суждено не мне одной, —
Не о сиротстве ль повествует нам
Признанья тех, кто чист душой.
И в том нет высшего, нет лучшего,
Кто раз, хотя бы раз, скорбя,
Не вздрогнул бы от строчки Тютчева:
«Другому как понять тебя?»

Цветаева сидит с детьми и восхищается тем какая прекрасная девушка и как хорошо она читает. Хочет узнать кто это. Следующей выходит читать Марина.

Мы с тобою лишь два отголоска:
Ты затихнул, и я замолчу.
Мы когда-то с покорностью воска
Отдались роковому лучу.
Это чувство сладчайшим недугом
Наши души терзало и жгло.
Оттого тебя чувствовать другом
Мне порою до слез тяжело.
Станет горечь улыбкою скоро,
И усталостью станет печаль.
Жаль не слова, поверь, и не взора, —

Только тайны утраченной жаль!
От тебя, утомленный анатом,
Я познала сладчайшее зло.
Оттого тебя чувствовать братом
Мне порою до слез тяжело.

Аплодируют. Марина куда-то уходит (за папироской), Софья подсаживается к детям.
Она узнает у них про то кто такая Марина. Потом представляется сама: меня зовут София Парнок, я являюсь поэтессой и литературным критиком, меня очень впечатлили стихотворения вашей подруги, и я бы хотела с ней поближе познакомиться.

Дальше она спрашивает куда она ушла, дети отвечают, что за папиросой. София просит детей помочь подстроить встречу Марины и Софии, чтоб необычно начать разговор. Они обсуждают план, но в итоге приходят к:

когда вернется Марина, то нужно, чтобы кто-то подошел и обратил внимание на Парнок, затем все дети должны тихоньку окружить их и сказать “Знакомьтесь же, Господа!” потом поцеловала руку Марины, а кто-то легонько толкнуть Марину, чтобы она выронила папирос, София ее подняла.

Марина ей скажет:

**И лоб Ваш властолюбивый
Под тяжестью рыжей каски,
Не женщина и не мальчик,
Но что-то сильнее меня!**

Дальше дети представляют Парнок Марине. София восхищенно высказывается об стихотворениях Марины. Марина говорит, что ей пора уходить, так как ее дома ждет дочь, но они обязательно увидятся.

Вывод: Эту встречу я запомнила на всю свою жизнь. София была прекрасной подругой, следующие полтора года мы жили рука об руку, она была самым близким для меня человеком. Сережа даже иногда ревновал меня к ней. Я выпустила сборник “Подруга”, где все стихотворения были посвящены ей:

Вы счастливы? – Не скажете! Едва ли!
И лучше – пусть!
Вы слишком многих, мнится, целовали,
Отсюда грусть.

Всех героинь шекспировских трагедий
Я вижу в Вас.
Вас, юная трагическая леди,
Никто не спас!

Вы так устали повторять любовный
Речитатив!
Чугунный обод на руке бескровной –
Красноречив!

Я Вас люблю. – Как грозовая туча
Над Вами – грех –
За то, что Вы язвительны и жгучи
И лучше всех,

За то, что мы, что наши жизни – разны
Во тьме дорог,

За Ваши вдохновенные соблазны
И тёмный рок,

За то, что Вам, мой демон крутолобый,
Скажу прости,
За то, что Вас — хоть разорвись над гробом! —
Уж не спаси!

За эту дрожь, за то — что — неужели
Мне снится сон? —
За эту ироническую прелесть,
Что Вы — не он.

Общаясь друг с другом мы были одновременно счастливы и несчастны, мы часто забывали о других людях, потому что проводили много времени друг с другом, а если не проводили, то ревновали, сильно. Это приводило ко многим ссорам. И в итоге к самой большой ссоре, после которой мы совсем перестали общаться. Эта дружба принесла мне столько боли, я боле не хочу ничего и слышать о Софии Парнок, это было катастрофой всей моей жизни.

Безумье — и благоразумье,
Позор — и честь,
Всё, что наводит на раздумье,
Всё слишком есть —
Во мне. — Все каторжные страсти
Свились в одну! —
Так в волосах моих — все масти
Ведут войну!
Я знаю весь любовный шёпот,
— Ах, наизусть! —
— Мой двадцатидвухлетний опыт —
Сплошная грусть!
Но облик мой — невинно розов,
— Что ни скажи! —
Я виртуоз из виртуозов
В искусстве лжи.
В ней, запускаемой как мячик
— Ловимый вновь! —
Моих прабабушек-полячек
Сказалась кровь.
Лгу оттого, что по кладбищам
Трава растёт,
Лгу оттого, что по кладбищам
Метель метёт...
От скрипки — от автомобиля —
Шелков, огня...
От пытки, что не все любили
Одну меня!
От боли, что не я — невеста
У жениха...
От жеста и стиха — для жеста
И для стиха!
От нежного боа на шее...

И как могу
Не лгать, — раз голос мой нежнее, —
Когда я лгу...

ВЕЧЕР АКМЕИСТОВ

ВОСПОМИНАНИЕ 3

Кратко: приезд Мандельштама в квартиру Цветаевой, там разговор с ней, а дети его подслушивают под видом работников.

Ввод: С Осипом Мандельштамом мы впервые познакомились тогда же, когда и с Сережей на даче у Волошина, но в тот момент мы совсем не обратили друг на друга внимания помню, что я шла к морю, он с моря. В калитке Волошинского сада — разминулись. Но в мой последний приезд Петрограде в январе, мы с ним смогли пообщаться поближе. Мандельштам тогда подарил мне свою книгу стихов «Камень». Поэзию Мандельштама я всегда ценила высоко, видела в ней «магию», «чару», несмотря на «путаность и хаотичность мысли». Он пленил меня своей высокой степенью словесного совершенства. «Если существует Бог поэзии — то Мандельштам — его гонец. Он доносит до людей божественный голос точным и чистым». Он очень увлекся мною, как и я им, хотя, возможно, ему показалось обратное.

Никто ничего не отнял!

Мне сладостно, что мы врозь.

Целую Вас — через сотни

Разъединяющих верст.

Я знаю, наш дар — неравен,

Мой голос впервые — тих.

Что Вам, молодой Державин,

Мой невоспитанный стих!

На страшный полет крещу Вас:

Лети, молодой орел!

Ты солнце стерпел, не щурясь, —

Юный ли взгляд мой тяжел?

Нежней и бесповоротней

Никто не глядел Вам вслед...

Целую Вас — через сотни

Разъединяющих лет.

Дети: у Цветаевой — работники её дома, у Мандельштама — его друзья, которые приехали с ним.

Дальше это всё — диалоги ОМ и МЦ, а дети прислуга в доме, но им очень интересно, поэтому они убираются, готовят, выполняют какие-то поручения МЦ или ОМ. Всё время находятся в комнате, занимаясь каким-то делом прислуги.

Мир: всё начинается с того, что Марина говорит, что хочет начать писать. Тут просит работников снова подготовить ей рабочее место (надеемся, что по памяти, но если нет, то она им говорит), во время этой подготовки в дверь кто-то стучится. Она просит кого-то из детей открыть дверь.

ОМ: Поэт Осип Мандельштам. Петербургский знакомый Марины Ивановны...

МЦ: Кто там пришел?

Кто-то из детей передает, что это Осип.

МЦ встаёт и подходит к нему.

ОМ: Здравствуйте. Можно пройти?

МЦ: Осип, здравствуй. *протягивает ему руку на поцелуй*

ОМ целует руку!

МЦ: Я часто о вас думала. Ваши стихи это что-то потрясающее. Я искренне считаю вас гением.

ОМ: Это очень приятно слышать, я думал, что Вы уже и забыли меня. Боялся, что встреча в Петрограде не осталась в вашей памяти.

МЦ: Что ж мы стоим, давайте пройдем на кухню, выпьем кофе. \Детям\, подготовьте всё для нас, пожалуйста. Кофе, булочки, масло и варенье. \дети делают бутеры\

ОМ: Я никогда еще не видел такого интересного дома — он похож на шкатулку с секретом.

МЦ: Да, это так. Потому мы сюда и перебрались. Квартира и в самом деле необыкновенная. Вы заметили, сколько здесь этажей?

ОМ: — Ну конечно. В вашем доме два этажа.

МЦ: — Так кажется, если глядеть на него с улицы. Квартира трехэтажная — вот вам первый секрет нашей шкатулки. А ведь есть и другие... Я влюблена в этот дом и никуда отсюда не уеду. Я переехала сюда с мужем Сергеем Эфроном переехали два года тому назад. Дом мне сразу понравился: у одной из комнат был выход на плоскую крышу, в потолке другой — окно, еще тут были интересные узкие лесенки. Сергей хотел присмотреть квартиру побольше, в современном доходном доме: они могли позволить себе многое. Но я решила, что жить надо здесь, а он привык меня слушаться. Особнячок, который нам подарили к свадьбе, мы сдали. Его арендовала частная психиатрическая лечебница, моя родня решила, что это дурной знак. Тот дом был очень уютный, напоминал особнячок в Трехпрудном, где много лет жило семейство Цветаевых... Но я грустила только о лохматом дворовом псе Османе: я очень любила собак, а с домами и вещами расставалась без сожаления.

ОМ: Да, я тоже очень сильно люблю собак...

МЦ: Кажется это единственная вещь в которой мы с вами схожи

ОМ: Да, вы правы. Ведь я сын порвавшего с общиной мелкого купца-еврея, мастераперчаточника, несостоявшегося раввина... А вы Дочь создателя и пожизненного почетного опекуна московского музея изящных искусств имени Александра III, будущего Пушкинского, знаменитого ученого, профессора Московского университета, знатока античности... В руки моего отца навеки вьелась черная краска от кож, с которыми он работал, русский царь не стал бы с ним разговаривать ни при каких обстоятельствах — а Иван Владимирович Цветаев, ваш отец, был представлен императору.

МЦ: Это, наверное, не столь важно. Хотя и детство наше прошло по-разному. Я много путешествовала...

ОМ: Я тоже, только качество этих путешествий у меня совсем другое.

МЦ: Да, я прекрасно понимаю. А почему вы сейчас не на фронте?

ОМ: Изначально я рвался, но по здоровью не подошел, хотя сейчас даже смешно вспоминать мои порывы.

МЦ: А мой муж Серёжа сейчас там.

ОМ: Ваш муж...

МЦ: Да, Сергей Эфрон. Он тоже был на даче у Макса. Вы не помните?

ОМ: Немного припоминаю...

МЦ: Что вы так смутились...

ОМ: Да так, ничего.

МЦ: А почему вы вообще оказались в Москве?

ОМ: он кашлянул, потер подбородок и сказал, что давно собирался посмотреть Москву. Быть может, Марина Ивановна покажет ему свой город...

МЦ: Конечно, с удовольствием. Я люблю Москву и готова вам показать и рассказать о ней. Может сейчас прогуляемся?

ОМ: Хорошо. Только я же приехал не один, так что придется идти всем вместе.

МЦ: Ничего страшного, будет большая экскурсия.

одеваются и идут гулять

ОМ: Марина, я должна вам признаться. Я приехал сюда не ради Москвы, а ради вас. Тогда в Петрограде вы... вы очаровали меня. Я не мог вам этого сказать, ведь у вас есть муж. Но я невероятно влюблен в вас. Вы не представляете как хорошо бродить по чужому городу с женщиной, в которую

влюблен, — очаровательной, близкой и в то же время недоступной. Это хмелит сильнее вина, кружит голову больше, чем опиум.

МЦ: Мне лестно ваше внимание. Невероятно приятно слышать такое признание от человека, которого я считаю настоящим гением. После нашей встречи я написала кое-что...

Разлетелось в серебряные дребезги

Зеркало, и в нем — взгляд.

Лебеди мои, лебеди

Сегодня домой летят!

Из облачной выси выпало

Мне прямо на грудь — перо.

Я сегодня во сне рассыпала

Мелкое серебро.

Серебряный клич — звонок.

Серебряно мне — петь!

Мой выкорыш! Лебеденок!

Хорошо ли тебе лететь?

Пойду и не скажусь

Ни матери, ни сродникам.

Пойду и встану в церкви,

И помолюсь угодникам

О лебеде молоденьком.

ОМ: Марина! Как это прекрасно! Вы настоящий гений! Я тоже писал...

В разноголосице девического хора

Все церкви нежные поют на голос свой,

И в дугах каменных Успенского собора

Мне брови чудятся, высокие, дугой.

И с укрепленного архангелами вала

Я город озираю на чудной высоте.

В стенах Акрополя печаль меня снедала

По русском имени и русской красоте.

Не диво ль дивное, что вертоград нам снится,

Где реют голуби в горячей синеве,

Что православные крюки поет черница:

Успенье нежное — Флоренция в Москве.

И пятиглавые московские соборы

С их итальянскою и русскою душой

Напоминают мне явление Авроры,

Но с русским именем и в шубке меховой.

МЦ: Знаете, Москва не та, что несколько лет назад: в войну город изменился. На улицах появилось много солдат из запасных полков, в трамваях толкались локтями злые на весь мир заводские рабочие и эвакуированные из западных губерний. Стало больше грубости и грязи, в воздухе витало ожидание чего-то дурного.

ОМ: Я всё равно очарован городом, мне кажется, что тут еще жива настоящая, допетровская, нутряная Россия. Боюсь, что мне пора возвращаться в Петроград. Марина, я буду скучать... Прощайте, я приеду еще! Мы еще увидимся!

Они расходятся, МЦ возвращается домой.

Вывод: Он вернулся в Петроград — и снова появился в Москве: его поездки продолжались вплоть до июня. Осип метался между двумя городами, и это сильно обременяло его тощий кошелек. Так продолжалось до лета — в июне он навестил меня под Москвой, в Александрове, я жила там с дочкой Ариадной и сыном сестры Андрюшей.

Мандельштам приехал в Александров для последнего, решительного объяснения. Он был измотан тем, что происходило между нами в последние месяцы, а я относилась к нему с большой теплотой, но без всякого надрыва. Когда он приехал, ему предложили прогуляться, но Мандельштам лег отсыпаться. Он попытался было сесть в единственное кресло, но оно предназначалось цветаевскому племяннику Андрюше, других в него не пускали. Попросил шоколада — единственная плитка оказалась детской. Но это еще можно выдержать, куда хуже была неопределенность в отношениях. Осипа томило скверное предчувствие. Его любовные дела между тем шли на лад: в Александрове он впервые поцеловал меня — еще недавно, в Петербурге, Мандельштам был бы на седьмом небе от счастья. Но теперь это выглядело по-другому: маленький домик, овраги, черемуха, бабы, с воем провожающие на фронт новобранцев, плац, где солдаты кололи штыками соломенные чучела, няня маленького Андрюши с глазами как у волка и волчьим же оскалом, торчащие из земли иконы, страшная монашка, бык, я, ни с того ни с сего подпустившая его к себе... Александров все больше казался ему каким-то жутким, зачарованным местом, откуда хотелось бежать. Он не думал о том, что здешняя жизнь могла успеть надоесть мне, что это его шанс, которого больше может не представиться. Мандельштам поступил так: сказал, что уезжает в Коктебель, к поэту Волошину. Мы всей семьей проводили его на вокзал. Он хотел мне в очередной раз признаться в любви, но громкий звонок поезда не дал ему сделать этого. Я побежала было за вагоном, но остановилась у края платформы. До меня долетел крик машущего обеими руками Мандельштама:

— Мне так не хочется в Крым!

Этим все и кончилось. Позже, в Коктебеле, я просила друзей не оставлять ее наедине с Мандельштамом — бегства из Александрова я ему не простила.

*Ты запрокидываешь голову
Затем, что ты гордец и враль.
Какого спутника веселого
Привел мне нынешний февраль!*

*Преследуемы оборванцами
И медленно пуская дым,
Торжественными чужестранцами
Проходим городом родным.*

*Чьи руки бережные нежили
Твои ресницы, красота,
И по каким терновалезиям
Лавровая твоя верста...—*

*Не спрашиваю. Дух мой алчущий
Переборол уже мечту.
В тебе божественного мальчика,—*

Десятилетнего я чту.

Помедлим у реки, полощущей
Цветные бусы фонарей.
Я доведу тебя до площади,
Выдавшей отроков-царей...

Мальчишескую боль высвистывай,
И сердце зажимай в горсти...
Мой хладнокровный, мой неистовый
Вольноотпущенник – прости!

ВОСПОМИНАНИЕ 4

Кратко: Словеска о том, Марина живет в бедности, не хочет работать и сдает детей в приют. Заканчивается всё на смерти ее младшей дочери Иры.

Ввод: В какой-то момент жизнь пошла под откос. Началась гражданская война, Серёжа уехал на фронт, связаться с ним я не могла никак, так что всё это время мне приходилось просто ждать и надеяться, что он жив. Я осталась одна с двумя детьми: Ариадной и Ириной.

За винтиком винтик, шуруп за шурупом, –
Мы в пекле, мы в саже – и так до кончины!
Мы света не видим, мы только – машины.
Спешат наши пальцы. Шуруп за шурупом.
От адского грохота – смолоду гложнем!
За винтиком винтик, шуруп за шурупом...
А в этот же час, на земле этой самой
Небесную музыку слушают дамы
В шелках и напитки небесные тянут
Из рюмок... Ответную музыку даме:
– За винтиком винтик, шуруп за шурупом, –
Скрываем за стиснутыми зубами.
А есть же на свете поля золотые!
– За винтиком винтик, шуруп за шурупом, –
Янтарный ячмень, золотая пшеница...
А люди, как псы, подыхают в столицах!
Мы, женщины, слышим родящую землю!
Мы, женщины, помним о собственном лоне!
Сегодня – колесико, винт меж винтами,
А завтра мы песню споем – кулаками!
К нам с Волги приходят великие вести.
Мы видим: смеющееся поколение,
С детьми на руках и с детьми на коленях...
Работает время. Шуруп за шурупом.

Словеска:

Я никогда не думала, что окажусь в подобной ситуации, когда денег не хватает даже на еду. Работать какой-нибудь посудомойкой за гроши я не хочу и не буду, мое жизненное призвание - писать стихи, а не мыть полы за какую-то мелочь. На своём творчестве я себя-то точно смогу прокормить, а вот Алю и Иришку не уверена. Нужно придумать какой-то способ. Что можно сделать?...

- Дети предлагают разные варианты, вряд ли прозвучит вариант про сдачу в приют, так что она сама об этом скажет. Но если прозвучал, то соглашается.

Кажется, что сдать в приют моих девочек уже не кажется чем-то таким страшным, наоборот, может их там лучше прокормят.

Ой, что это за **бумажка в моем кармане**. Что мне с ней сделать?

1. Прочитать - читаем:

Марина, как же ты прекрасна, я думаю о тебе всегда и буду думать. Я до сих пор помню тот день в Коктебеле, рядом с тобой я всегда чувствую, будто мне 18.

Ответ Цветаевой: как же я скучаю по Сереже, я даже не знаю где он сейчас да я даже не зна. жив ли он, надеюсь, что да. Я не справлюсь без него, был бы он сейчас здесь

2. Выкинуть бумажку - выкидываем.

Ответ Цветаевой: я вспоминаю как раньше мне такие бумажки Сережа подкладывал, как же я скучаю по Сереже, я даже не знаю где он сейчас да я даже не зна. жив ли он, надеюсь, что да. Я не справлюсь без него, был бы он сейчас здесь.

Но его здесь нет и надо как-то справляться одной. Итак, я решила, что нужно отвезти Алю и Ирину в приют. Мы шли по **холодному городу**, какая-то бабка крикнула мне и попросила подать мелочи. Тут я остановилась и задумалась, а нужно ли дать ей денег.

1. Да - Кинула ей немного мелочи, которую нашла в кармане. Аля сказала, что это может хватить на обед, но я проигнорировала её, и мы пошли дальше.

2. Нет - Хотя да. Просить у меня? Что за наглость.

Мы пришли с девочками в кунцевский приют, я уверена, что здесь их прокормить смогут лучше чем я.

- Мам, а это точно необходимо? Денег с продажи вещей не хватит?

- Я не знаю, Алечка, может и хватит. Хотя, нет. Не хватит. Я уверяю тебя, что здесь вас прокормят лучше. Только не говорите никому в приюте, что я ваша мать. Я для вас тётя, а то вас не примут сюда. Аля, золотце мое, позаботся о своей сестре, чтоб она здесь никому не докучала, хорошо?

- Хорошо, мам.

Вот я и оставила девочек. Аля разумнее своей сестрице. Маленькая плакса эта Ира. Я не рассмотрела свои, конечно, это место, но уверена, что там о них позаботятся получше.

Может вернуться посмотреть как там и что?

1. Возвращаемся - Всё здесь выглядит довольно печально, приют изнутри не очень красив. Дети выглядят грустными и уставшими, но кто знает, может с родными им было бы хуже. А у кого-то и нет родных, поэтому мы не можем отвечать за них. Никто не знает чтобы могло произойти.

2. Не возвращаемся - и правильно. Зачем девочек тревожить лишний раз, вдруг ещё случайно назовут меня матерью, а их тогда оттуда выпрут, и что мы будем делать - не знаю. Аля сказала, что можно прожить на деньги с продажи вещей, но я в это не верю. Может я одна и смогу прожить, но обеспечивать ещё двоих девочек точно не смогу.

По возвращении домой приятно было услышать тишину, нет нигде плачущей Ирины, хотя при мне она мало плакала, но всё равно это делала. Можно что-то написать.

И так я возвращалась в тихую квартиру несколько дней подряд. Тут я получила какое-то **письмо**. Что с ним сделать?

1. Читаем - *Милая Марина! Здесь хорошо, дети не озорные. На Ирину жалуются. Везде очень чисто. Марина! Здесь два этажа. Мне жалко Вас. Марина! Другой ребенок гораздо умней Ирины. Он говорит, просится, сам чудно ест. В окно глядят ели. Всё время думаю об Вас! Здесь двадцать две комнаты. Сижу в другой комнате, чем Ирина. Она всё время орет. Немного шумна!*

Ответ Цветаевой: Вот Ира конечно позорит меня. При мне даже звука бы не издала! А там всё разнылась. Надо, наверное, навестить их, точнее Алю, принести ей еды немного.

2. Не читаем - думаю, там ничего важного нет. Уже прошло 2 недели с того момента как я отвела девочек, может стоит их навестить? Наверное. Нужно принести Алечке немного **еды**.

Так сейчас собираю, вот, **хлеб, бутылка воды, можно еще шоколадку, чтоб сладкого поеда**.

По приезде в приют мы слышим чей-то плач.

- Привет, Алечка!
- Здравствуй, Марина
- Правильно, правильно меня так зовешь. Что, Ира всё хнычет и ноет?
- Да, Марина, не знаем даже как ее успокоить.
- Ох уж это дитя несносное, что же с ней не так.
- Мам, ей кушать хочется
- Аля, не зови меня так! Нас же могут услышать.
- Да, прости
- Я вот принесла покушать, держи. \Отдают еду\
- Спасибо
- Я на секунду отойду

Аля: мама принесла совсем немного еды, стоит ли ею поделиться с Ириной? Может хоть так она замолчит, а может..

1. Дать еду - плач прекращается. Ура, она замолчала, все-так хорошо, что мама приехала.
2. Не дать еду - плач не прекращается. Ладно, я хотя бы поем тогда.

Я не знаю каким способом можно привлечь внимание матери, как заставить её забрать нас отсюда. Здесь так ужасно, так плохо. Нас мало кормят, нас не любят и обижают. Но со мной ладно, Ире хуже, она совсем маленькая

Что можно сделать?

\дети предлагают разные варианты, если они говорят написать письмо, то выбрать это, если нет, то предложить самой\

Написать письмо действительно неплохой вариант, нужно будет подложить его ей в куртку, чтоб она смогла прочитать его только по возвращении домой.

Что же там написать?

\Дети накидывают какой-то текст и сами его пишут и отдают Але\

Осталось только положить записку в её карман, когда она вернется. Вот, кажется она идет.

- Да, Алечка, условия тут, конечно, не самые лучшие. Но мне, пожалуй, надо идти, я еще навещу тебя, не переживай.

Как только я вышла из приюта, то опять почувствовала в своем кармане какую-то записку. На этот раз я без раздумий решила ее прочитать: \читаем текст, который накидали дети\

Бедная моя Алечка. Нет, так продолжаться не может. Надо скорее забрать её из этого страшного места. Срочно возвращаюсь туда за ней.

- Алечка, я вернулась, на этот раз я хочу забрать тебя.
- Меня с Ирой?
- Нет, только тебя. Ира много орёт и плачет, мне такого точно не надо в доме, я привыкла к тишине. Тем более вас обеих я не прокормлю.
- Но...

Аля задумалась и ушла в свои мысли, пытаясь придумать аргументы, чтобы мать согласилась взять с собой и Иру.

\дети выдумывают аргументы\

- Нет. Это никак не повлияет на мой выбор, Алечка. Мы уходим с тобой отсюда. Вдвоем.

Мы вернулись с Ариандой домой, всё было по-старому. Она не маленькая, много не ныла и не доставляла хлопот. В один из дней пришло письмо из приюта, Ир умерла с голоду. Но что я могла сделать? Обеих я бы не прокормила, тем более, Ира была такая маленькая и неприятная, не хотелось бы с ней связываться. Хорошо, что я забрала свою Алечку.

Правда, Серёжа расстроится, если он ещё жив. Надеюсь жив, только бы был жив. Вот так проходила наша жизни в тяжелой время. В бедности проходила жизнь.

Вывод: Ирина была больной девочкой, слабой. Этим она меня и отталкивала постоянно, по сравнению с талантливой сестрой Ирочка казалась не просто заурядной: я считала малышку недоразвитой. Могла игнорировать, гостям о существовании Ирины просто не рассказывала. А зачем рассказывать о дефектном ребенке? Многие меня корили, что я на похороны не приехала, но я не смогла. Я хотела, она же мое дитя, но я не смогла. У Арианды температура поднялась.

Под рокот гражданских бурь,
В лихую годину,
Даю тебе имя – мир,
В наследье – лазурь.
Отыйди, отыйди, Враг!
Храни, Триединый,
Наследницу вечных благ
Младенца Ирину!

ВЕЧЕР ФУТУРИСТОВ

Атмосфера: Вечер проходит в московском политехническом музее, во время “баттла” Маяковского и Северянина

Поэты (если поэта нет в дне, то за него прочитает “актёр”):

Северянин (“Весенний день”)

Маяковский (Отрывок из “Облаков в штанах”)

Кручёных (“Дыр бул щыл” и “Смерть художника”)

Бурлюк (“ПЛАТИ – покинем НАВСЕГДА...”)

Свои выступления футуристы называли «поэзоконцертами» или «стихобойней». Первым на сцену вышел Маяковский в черном костюме и с хлыстом в руках. Он обратился к зрителям:

«Милостивые государыни и милостивые государи! В каждом городе, куда бы ни приехали футуристы, из-под груды газетной макулатуры выползает черная критика, утверждающая, что за раскрашенными лицами у футуристов нет ничего, кроме дерзости и нахальства, и что во всех скандалах российских литературных кабаков виноваты только футуристы. Это неверно. В лице футуристов вы имеете носителей протеста против шаблона, творцов нового искусства и революционеров духа. Как недоваренное мясо застряла в зубах нудная поэзия прошлого, а мы даем стихи острые и нужные, как зубочистки»

Первыми выступают актёры, читают за Кручёных и Бурлюка

Крученых, “Дыр бул щыл”

Дыр бул щыл
убеш шур
скум
вы со бу
р л эз

“Смерть художника”

привыкнув ко всем безобразьям
искал я их днём с фонарём
но увы! все износились проказы
не забыться мне ни на чём!

и взор устремивши к бесплотным
я тихо, но твердо сказал:
мир вовсе не рвотное —
и мордой уткнулся в Обводный канал...

Бурлюк, “Плати — покинем НАВСЕГДА...”

ПЛАТИ — покинем НАВСЕГДА уюты сладострастья.
ПРОКИСШИЕ ОГНИ погаснут ряби век
Носители участка
Всем этим имя человек.
Пускай судьба лишь горькая издевка
Душа — кабак, а небо — рвань
ПОЭЗИЯ — ИСТРЕПАННАЯ ДЕВКА
а красота кошунственная дрянь.

Маяковский зачитывает положения из “Пощёчины общественному вкусу”:

“Только мы — лицо нашего Времени. Рог времени трубит нами в словесном искусстве. Прошлое тесно. Академия и Пушкин непонятнее гиероглифов. Бросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч. и проч. с Парохода современности.

Кто не забудет своей первой любви, не узнает последней.

Кто же, доверчивый, обратит последнюю Любовь к парфюмерному блюду Бальмонта? В ней ли отражение мужественной души сегодняшнего дня? Кто же, трусливый, устрасится стащить бумажные латы с черного фрака воина Брюсова? Или на них зори неведомых красот? Вымойте ваши руки, прикасавшиеся к грязной слизи книг, написанных этими бесчисленными Леонидами Андреевыми.

Всем этим Максимум Горьким, Куприным, Блокам, Соллогубам, Ремизовым, Аверченкам, Черным, Кузьминым, Буниным и проч. и проч. — нужна лишь дача на реке. Такую награду дает судьба портным.

С высоты небоскребов мы взираем на их ничтожество!

Мы приказываем чтить права поэтов:

- 1) На увеличение словаря в его объеме произвольными и производными словами (Слово-новшество).
- 2) На непреодолимую ненависть к существовавшему до них языку.
- 3) С ужасом отстранять от гордого чела своего из банных веников сделанный Вами Венок грошовой славы.
- 4) Стоять на глыбе слова «мы» среди моря свиста и негодования.

И если пока еще и в наших строках остались грязные клейма Ваших «Здравого смысла» и «хорошего вкуса», то все же на них уже трепещут впервые зарницы Новой Грядущей Красоты Самоценного (самовитого) Слова.”

Д.Бурлюк, Алексей Крученых, В.Маяковский, Виктор Хлебников

Москва, 1912. Декабрь

Северянин выходит к Маяковскому

Северянин: Всё, хватит! Я не хочу больше поддерживать нападки на старую литературу! Я буду выступать отдельно!

“Позор стране, поднявшей шуму

Вкруг шарлатанов и шутов!

Ослы на лбах, «пьеро»-костюмы

И стихотомы... без стихов!” (Поэза истребления)

Маяковский: А вы то поэт! И как вы свои женоподобные, надушенные стишки, что читаете нараспев, называете поэзией?

Северянин: А вы то судья?

Маяковский: Не верите мне, так спросите у любого! (В зал) Так кто же король поэтов? Будьте же с нами честны!

Критик: Ну точно не Северянин, кто же молчаливой публике напевает мотив из Амбруаза Тома?! Безусловно Маяковский, голос правды, будущего!

Гиппиус: Маяковский противен, но не без значения.

Критик: Да как же Маяковский!? Жалкий приспособленец, что лишь угождает желаниям новых хозяев! А вот Игорь Северянин-поэт с чистой душой.

Цветаева: Романтизм, идеализация, самая прекрасная форма чувственности, сравнимая с рукопожатием — слишком долгим и поцелуем — слишком лёгким, — вот что такое Игорь Северянин

Гиппиус: Северянин-подражательный, слабый поэт, обезьяна.

Критик: Конечно, девять десятых его творчества нельзя воспринять иначе как желание скандала или как ни с чем не сравнимую жалкую наивность. Там, где он хочет быть элегантным, он напоминает пародии на романы Вербицкой, он неуклюж, когда хочет быть изящным, его дерзость не всегда далека от нахальства.

Ахматова: А про стихи мои он говорит только “Не то, не то...” Вот только, не смотря, что выскочка, всё равно главный соперник Маяковского!

Критик: Оба они далеко не короли! Футуристы-пародия на настоящих поэтов, в чём же прок от стихов, что никто кроме них понять не может, не нужно нам такое будущее!

Северянин: Я требую честного голосования! Вы расскажете очередной свой хамский стих, а я зачитаю свой. Звание короля будет присуждено публикой всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием.

Маяковский: Пусть будет так! А кто начнёт? Или страшитесь?

Северянин: Вас?! Ни в коей мере!

Северянин выходит в центр, Маяковский уступает с характерным жестом, публика улюлюкает

Северянин, “Ещё не значит...”

Ещё не значит быть изменником —
Быть радостным и молодым,
Не причиняя боли пленникам
И не спеша в шрапнельный дым...

Ходить в театр, в кинематографы,
Писать стихи, купить трюмо,
И много нежного и доброго
Вложить к любимому в письмо.

Пройтись по Морской с шатенками,
Свивать венки из кризантэм,
По-прежнему пить сливки с пенками
И кушать за десертом крем —

Ещё не значит... Прочь уныние
И ядовитая хандра!
Война — войной. Но очи синие,
Синеите завтра, как вчера!

Война — войной. А розы — розами.
Стихи — стихами. Снами — сны.
Мы живы смехом! живы грёзами!
А если живы — мы сильны!

В желаньи жить — сердца упрочены...
Живи, надейся и молчи...
Когда ж настанет наша очередь,
Цветы мы сменим на мечи!

Хлопают Блок, Цветаева, критики

Маяковский, отрывок из “Облаков в штанах”

“Хорошо, когда в желтую кофту
душа от осмотров укутана!
Хорошо,
когда брошенный в зубы эшафоту,
крикнуть:
«Пейте какао Ван-Гутена!»

И эту секунду,
бенгальскую,
громкую,
я ни на что б не выменял,
я ни на...

А из сигарного дыма
ликерною рюмкой
вытягивалось пропитое лицо Северянина.

Как вы смеее называться поэтом
и, серенький, чирикать, как перепел!
Сегодня
надо
кастетом
кроиться миру в черепе!”

Хлопают Гумилёв, Мандельштам, Есенин и Гиппиус (но без особого энтузиазма, так типично “Хлоп...хлоп...хлоп),
Ахматова максимум сидит и головой качает, меньше критиков хлопают

Две стороны стола, на которые надо положить бумажку. Налево-Маяковскому, направо-Северянину.

Маяковский с азартом наблюдает за голосованием и говорит друзьям: “Только мне кладут и Северянину! Мне налево, ему направо.” Голосуют только поэты и критики, в это время в музей врывается пьяный Есенин.

Есенин: Короли..короли...Он король, вы король!

Северянин: А кто пустил сюда деревенского алкоголика?

Есенин: Я?! Я не алкоголик! Я...я поэт, Сергей Есенин! Я вам зачитаю...КХМ..Вы помните? Вы..

Северянин (перебивает): Выведите пожалуйста Сергея подышать свежим воздухом!

Маяковский: Ну что ты, Игорь, пусть читает!

Северин: Бог с вами..

Есенин: Так вот:

Вы помните,
Вы всё, конечно, помните,
Как я стоял,
Приблизившись к стене,
Взволнованно ходили вы по комнате
И что-то резкое
В лицо бросали мне.

Вы говорили:
Нам пора расстаться,
Что вас измучила
Моя шальная жизнь,
Что вам пора за дело приниматься,
А мой удел —
Катиться дальше, вниз.

Любимая!

Меня вы не любили.
Не знали вы, что в сонмище людском
Я был как лошадь, загнанная в мыле,
Пришпоренная смелым ездоком.

Не знали вы,
Что я в сплошном дыму,
В развороченном бурей быте
С того и мучаюсь, что не пойму —
Куда несет нас рок событий.

Лицом к лицу
Лица не увидеть.
Большое видится на расстоянии.
Когда кипит морская гладь —
Корабль в плачевном состоянии...
(Письмо к женщине, отрывок)

Критик любой: Итоги голосования! *Объявляет победу Северянина*

В любом случае побеждает Северянин

Северянин, “Ретракт короля” (отрывок)

“Отныне плащ мой фиолетов,
Берета бархат в серебре:
Я избран королем поэтов
На зависть нудной мошкаре.

Меня не любят корифеи —
Им неудобен мой талант:
Им изменили лесофеи
И больше не плетут гирлянд.

Лишь мне восторг и поклоненье
И славы пряный фимиам,
Моим — любовь и песнопенья! —
Недосягаемым стихам...”

ВОСПОМИНАНИЕ 5

Кратко: Мы едем в поезде с сыном МЦ, там она творит что-то странное. Мы собираем её вещи. Она всё время обеспокоена, опечалена. Говорит, что скоро приедем, нужно собирать вещи в чемоданы. Мур её пытается успокоить.

Ввод: Германия вторглась в Советский Союз 22 июня 1941 года. Нацистская армия быстро продвигалась, и первые бомбардировки Москвы начались уже в июле. Мур не хотел уезжать из столицы. Он был капризным и избалованным подростком, к тому же на тот момент и влюбленным. Поэтому перспектива уехать в маленький городок в Татарской АССР его совсем не привлекала. Но в результате Мур поддался на уговоры матери. Они прибыли в Елабугу на пароходе 17 августа 1941 года. На момент эвакуации у нас практически не было денег. Я собрала все ценные вещи, которые остались, и села с сыном на пароход. В Елабуге я планировала каждый день уходить из дома в попытках найти работу.

О, дева всех румянее
Среди зеленых гор —
Германия!
Германия!
Германия!

Позор!
Полкарты прикарманила,
Астральная душа!
Встарь — сказками туманила,
Днесь — танками пошла.
Пред чешскою крестьянкою —
Не опускаешь вежд,
Прокатываясь танками
По ржи ее надежд?
Пред горестью безмерною
Сей маленькой страны,
Что чувствуете, Германы:
Германиши сыны?
О мания! О мумия
Величия!
Сгоришь,
Германия!
Безумие,
Безумие
Творишь!
С объятьями удавцами
Расправится силач!
За здравие, Моравия!
Словакия, словачь!
В хрустальное подземие
Уйдя — готовь удар:
Богемия!
Богемия!
Богемия!
Наздар!
Дети: соседи Марины и Мура на пароходе.

Они едут все в одной комнате. Тут Марина начинает вести себя странно как-то. Ходить, бормотать. Рассказывать план действий, но очень беспокойно.

МЦ: Мур, мы почти приехали, скорее собирай свои вещи.

МУР: Мам, еще долго ехать, что происходит?

МЦ: Нет, нет, мы почти приехали. Что вы стоите? Собирайте вещи!

\они собирают вещи, МЦ куда-то уходит\

МУР: вы её извините, она в последнее время совсем не в себе, вы ведь понимаете, что время тяжелое. Вообще её жизнь совсем тяжелая. Она боится, что меня на фронт отправят, как отца. Я, кстати, сын её - Георгий Эфрон. Я правда переживаю за судьбу матери. Она совсем потеряла голову, совсем потеряла волю; она одно страдание. Вообще большую часть своей жизни я прожил не здесь, я так и не понял причины по которой мы вернулись из Парижа. Этого скорее хотел отец, но сейчас его здесь нет, он на фронте. Так что мы просто так сюда обратно переехали. Мать изначально не видела никакого будущего в СССР. И вот сейчас мы такой большой компанией едем из столицы в какой-то маленький городок.

\возвращается МЦ\

МЦ: Знаете, я придумала. Я придумала где буду работать. Я буду работать в литфонде, да хоть посудомойкой. Кем возьмут тем и буду. Нужно написать письмо. Нужно много куда написать письмо. Вы... вы помогите мне. Напишите. Держите.

Пишите “В Совет Литфонда. Прошу принять меня на работу в качестве судомойки в открывающуюся столовую Литфонда.” Написали? Нужно еще написать. Мне нужно устроиться на работу.

Я... я хорошо знаю французский! Могу устроиться переводчицей!

Пишите “Жила во Париже несколько лет. Могу устроиться переводчицей. Марина Цветаева”. Хорошо, спасибо. Мне еще предлагали быть переводчицей с немецкого в лагере военнопленных. Но нет. На такую работу я не пойду.

МУР: Мам, кажется мы правда скоро подъезжаем.

МЦ: А вы вещи собрали? Скорее собирайте.

\дособираем все вещи

МЦ: Смотрите, Боря мне книги подарил. Знаете, а когда он мне подарил, то сказал **“Беревка все выдержит, хоть вешайся!”**

МУР: Приехали, пойдете все.

\мы идем все, приходим к ним домой, начинаем разбирать их вещи, МЦ уходит, они разговаривают с Муром просто о разном... потом в какой-то момент Мур говорит, что пойдет к матери зайдет, она наверное работает

МУР: Я пойду к маме зайду на секунду. Она наверное работает, так что я один, чтоб вы не мешали.

Мур заходит в комнату, потом выходит...

МУР: Она... она мертва. Она повесилась... я не верю... она сама убила себя. Посмотрите. Она оставила 3 записки.

Записка сыну:

Мурлыга! Прости меня, но дальше было бы хуже. Я тяжело больна, это уже не я. Люблю тебя безумно. Пойми, что я больше не могла жить. Передай папе и Але — если увидишь — что любила их до последней минуты и объясни, что попала в тупик.

Записка Асеевым:

Дорогой Николай Николаевич! Дорогие сестры Синяковы! Умоляю вас взять Мура к себе в Чистополь — просто взять его в сыновья — и чтобы он учился. Я для него больше ничего не могу и только его гублю. У меня в сумке 450 р. и если постараться распродать все мои вещи. В сундучке несколько рукописных книжечек стихов и пачка с оттисками прозы. Поручаю их Вам. Берегите моего дорогого Мура, он очень хрупкого здоровья. Любите как сына — заслуживает. А меня — простите. Не вынесла. Не оставляйте его никогда. Была бы безумно счастлива, если бы жил у вас. Уедете — увезите с собой. Не бросайте!

Записка «эвакуированным»:

Дорогие товарищи! Не оставьте Мура. Умоляю того из вас, кто сможет, отвезти его в Чистополь к Н. Н. Асееву. Пароходы — страшные, умоляю не отправлять его одного. Помогите ему с багажом — сложить и довести. В Чистополе надеюсь на распродажу моих вещей. Я хочу, чтобы Мур жил и учился. Со мной он пропадет. Адр. Асеева на конверте. Не похороните живой! Хорошенько проверьте.

Вывод: 31 августа в Елабуге проводился воскресник: расчищали территорию под аэродром. На работу должны были выйти по одному человеку от каждой семьи елабужан и эвакуированных. От семьи Цветаевых на воскресник пошел Мур, а от семьи Бродельщиковых — хозяйка Анастасия Ивановна. Ее муж Михаил Иванович с шестилетним внуком Павликом рано утром ушли на рыбалку. Марина Ивановна осталась в доме одна.

На кухне остались сковорода с жареной рыбой для сына и три письма.

В последние года жизни она писала...

Пора снимать янтарь,
Пора менять словарь,
Пора гасить фонарь
Наддверный...

«Я стол накрыл на шестерых...»
Всё повторяю первый стих
И всё переправляю слово:
— «Я стол накрыл на шестерых»...
Ты одного забыл — седьмого.

Невесело вам вшестером.
На лицах — дождевые струи...
Как мог ты за таким столом
Седьмого позабыть — седьмую...

Невесело твоим гостям,
Бездействует графин хрустальный.
Печально — им, печален — сам,
Непозванная — всех печальней.

Невесело и несветло.
Ах! не едите и не пьёте.
— Как мог ты позабыть число?
Как мог ты ошибиться в счёте?

Как мог, как смел ты не понять,
Что шестеро (два брата, третий —
Ты сам — с женой, отец и мать)
Есть семеро — раз я на свете!

Ты стол накрыл на шестерых,
Но шестерыми мир не вымер.
Чем пугалом среди живых —
Быть призраком хочу — с твоими,

(Своими)...
Робкая как вор,
О — ни души не задевая! —
За непоставленный прибор
Сажусь незваная, седьмая.

Раз! — опрокинула стакан!
И всё, что жаждало пролиться, —
Вся соль из глаз, вся кровь из ран —
Со скатерти — на половицы.

И — гроба нет! Разлуки — нет!
Стол расколдован, дом разбужен.
Как смерть — на свадебный обед,
Я — жизнь, пришедшая на ужин.

...Никто: не брат, не сын, не муж,
Не друг — и всё же укоряю:
— Ты, стол накрывший на шесть — душ,
Меня не посадивший — с краю.

ВЫВОД

БИОГРАФИЯ

Цветаева

Большинство своих поэзий Марина Цветаева написала в периоды сильнейших душевных страданий. Потому что, несмотря на всю свою гениальность, она была женщиной, просто женщиной, которой так хотелось любви и простого человеческого счастья. Она была сильной и открытой, сумевшей без лишних истерик отразить в своих стихах все, что так близко женщине. Хотя некоторые из ее знакомых считали, что она надменная, неискренняя и абсолютно не женственная – то есть прямая противоположность той, которой она была в своих поэзиях. Какой она была на самом деле? Ответа на этот вопрос нет, хотя может быть он зашифрован в этой ее строчке: «Я – лунатик двух темных лун». Имя Марины Цветаевой навсегда останется в истории мировой поэзии 20-го века. Не только ее стихи о любви, но и проза стали национальным достоянием. Многие ее творения положены на музыку и стали романсами.

1) ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ

Родилась Марина Цветаева 8 октября 1892 года в Москве. В день ее рождения христиане отмечают праздник памяти апостола Иоанна Богослова. В своих стихах она не раз обращала внимание на это обстоятельство. Ее отец – Иван Цветаев, был известным искусствоведам и филологом, профессором в Московском университете. Это был его второй брак, в первом родились двое детей – сын Андрей и дочь Валерия. Мама Марины – Мария Мейн, профессиональная пианистка, наставником которой был прославленный Николай Рубинштейн. В 1894 году родилась младшая сестра Цветаевой – Анастасия. Родители девочек были творческими людьми, и эту любовь к искусству передали своим дочерям. С мамой Марина осваивала фортепиано, с отцом занималась изучением иностранных языков и читала хорошую литературу.

Много времени девочка прожила с мамой за пределами России, поэтому в совершенстве владела не только родным языком. Она знала немецкий и французский, и когда в возрасте 6-ти лет начала сочинять первые стихотворения, то делала это на французском. Вначале Цветаеву отдали в московскую частную женскую гимназию, а после ее окончания она попала в пансион для девочек в Германии и Швейцарии. В возрасте 16 лет Марина заинтересовалась старофранцузской литературой, и даже начала посещать лекции в Сорбонне, но бросила обучение на половине пути.

ПЕРВЫЕ СТИХИ ЦВЕТАЕВОЙ ВЫШЛИ В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ ПОД НАЗВАНИЕМ «МУСАГЕТ». ИМЕННО В ТО ВРЕМЯ У НЕЕ ПОЯВИЛИСЬ ЗНАКОМЫЕ СРЕДИ СТОЛИЧНЫХ СИМВОЛИСТОВ, ОНА ПОСЕЩАЕТ ВСЕ ЗАНЯТИЯ В КРУЖКАХ И СТУДИЯХ ПРИ ЭТОМ АГЕНТСТВЕ. После начала Гражданской войны Марина не находит себе места. Все, что было когда-то родным, вдруг раскололось на две половины – стало красным и белым, и она так и не смогла смириться с этим расколом. В 1922-м ей удалось добиться разрешения на отъезд за границу. Сразу поэтесса уехала в Чехию, где на протяжении нескольких лет жил ее супруг, Сергей Эфрон. Он был офицером-белогвардейцем, поэтому был вынужден эмигрировать. В 20-х годах он стал студентом Пражского университета.

Они прожили несколько лет в Праге, потом перебрались в Берлин, а спустя три года оказались в Париже. Ее мужа обвиняли в том, что он один из участников заговора против сына Троцкого, что он агент НКВД и занимается шпионской деятельностью. Это сильно угнетало Цветаеву, ее душа рвалась домой. Она поняла, что долго не выдержит в эмиграции, родина навсегда привязала ее к себе.

2) ПОЭЗИЯ

Творческая биография Марины Цветаевой началась в раннем детстве, с ее детских стихов, написанных в шесть лет. А первый взрослый сборник поэзий вышел в 1910-м. Поэтесса назвала его «Вечерний альбом». Он состоял из стихов, написанных во время учебы в школе. Ее творчество нашло отклик в сердцах многих известных литераторов того времени, но особый интерес она пробудила у Максимилиана Волошина, Николая Гумилёва, супруга Анны Ахматовой и Валерия Брюсова, которого считали основоположником русского символизма. Окрыленная первым успехом, Цветаева села за

написание прозы – статьи «Волшебство в стихах Брюсова». К слову, нужно сказать, что первые сборники Цветаева издавала исключительно за счет собственных средств.

Буквально вслед за первым, вышел и второй сборник поэзий Марины – «Волшебный фонарь», потом третий, получивший название «Из двух книг». Перед самой Октябрьской революцией Цветаева приехала в город Александров, где в тот момент жила ее сестра с мужем. Все поэзии, написанные в этот период, имели посвящение – родным, любимому городу, и этот отрезок жизни великой поэтессы специалисты потом назвали «Александровское лето Цветаевой». Этим летом датируются и ее поэзии – «Стихи о Москве» и «К Ахматовой».

В ГРАЖДАНСКУЮ ВОЙНУ ЦВЕТАЕВА БОЛЬШЕ СОЧУВСТВОВАЛА БЕЛОГВАРДЕЙЦАМ, ХОТЯ ДЛЯ НЕЕ БЫЛО НЕПРИЕМЛЕМО САМО РАЗДЕЛЕНИЕ ЕЕ РОДИНЫ ПО ЦВЕТАМ.

В те годы она писала стихотворения, впоследствии вошедшие в сборник «Лебединый стан». Марина стала автором поэм «Егорушка», «Царь-девица», «На красном коне», вышло несколько ее романтических пьес. В 20-х годах, уже за границей, Цветаева написала две крупных работы, которые назвала «Поэма Горы» и «Поэма Конца». В ее творческом наследии эти поэмы занимали большое место. Очень много ее стихов, написанных в эмиграции, так и остались не напечатанными. Последней книгой, которая была опубликована, стал сборник под названием «После России», в который вошли стихи поэтессы, написанные до 1925-го. Хотя она писала, писала, писала – этот процесс был непрерывным.

Иностранцам больше импонировала проза, выходящая из-под пера великой поэтессы. Она издала книги «Мать и музыка», «Мой Пушкин», «Дом у Старого Пимена», написала ряд статей о творчестве Максимилиана Волошина, Андрея Белого, Михаила Кузмина. Ее стихи не пользовались большим спросом за границей, хотя в те годы вышел цикл ее поэзий «Маяковскому». Их поэтессе навеяло самоубийство Маяковского. Его смерть стала настоящим потрясением для нежной и ранимой души Цветаевой. Читая ее стихи тех лет, остро ощущаешь это потрясение, растерянность, боль.

3) ЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ

Своего супруга Сергея Эфрона Марина встретила в 1911-м. Их познакомил Максимилиан Волошин, когда проживал в Коктебеле в собственном доме. Спустя шесть месяцев молодые люди поженились, и вскоре после этого стали родителями дочери Ариадны. Но в личной жизни Цветаевой были и другие мужчины, которые сумели завоевать ее ранимое сердце. У Марины был роман с поэтом Борисом Пастернаком, длиною в десять лет, которому не помешала даже ее эмиграция. Годы жизни в Праге ознаменовались новым, достаточно бурным романом. На этот раз поэтесса обратила внимание на юриста и скульптора Константина Родзевича. Их отношения длились месяцев шесть. За это время она написала «Поэму Горы», которая была посвящена ее возлюбленному, и выражала всю силу ее чувств к этому человеку. Потом оказалось, что у него есть невеста, и Марина даже помогла девушке с выбором свадебного платья. Этим была поставлена точка в этой неистово-страстной истории.

В личной жизни великой поэтессы было место не только мужчинам. В 1914-м, еще до того, как Марина отправилась в эмиграцию, в ее жизни появилась София Парнок – поэтесса и переводчик. Они познакомились на одном из собраний литературного кружка, и быстро подружились. Однако дружеские отношения вскоре переросли в роман.

Вдохновленная новыми чувствами, Цветаева пишет целый цикл поэзий, получивший название «Подруга», и посвящает их Софии. Об этой связи вскоре стало известно общественности.

СУПРУГ ТОЖЕ УЗНАЛ О НОВОМ УВЛЕЧЕНИИ ЖЕНЫ, РЕВНОВАЛ СТРАШНО, ЗАКАТЫВАЛ ЦВЕТАЕВОЙ СКАНДАЛЫ, И ПОСЛЕ ЭТОГО МАРИНА РЕШИЛАСЬ БРОСИТЬ ЕГО И УЙТИ К ПАРНОК.

Они были вместе до 1916 года, потом отношения прекратились, Марина вернулась к мужу и в 1917-м рождает еще одну дочку – Ирину. Свою необычную связь поэтесса объяснила очень просто и емко. Она сказала, что любовь между женщинами это дикость, а любить только мужчин – очень скучно. Но свои отношения с Софией назвала «первой катастрофой в жизни».

На момент рождения дочери Ирины в жизни поэтессы начинается сплошная черная полоса. Грянула революция, муж эмигрировал за границу, денег нет, голод жуткий. А тут еще серьезно заболела Ариадна. И поэтесса принимает нелегкое решение отдать дочек в детский приют, расположенный в

подмосковном Кунцево. Ариадна сумела выздороветь, а вот Ирина умерла от голода. Ей было всего три годика.

В 1925 году Марина Цветаева снова стала мамой, у нее родился сын Георгий, но дома его ласкательно называли «Мур». Вскоре семья перебралась в Париж. Георгий тоже не мог похвастаться богатырским здоровьем, он был очень хрупкий и болезненный. Но это не помешало ему уйти добровольцем на фронт, откуда парень уже не вернулся. Он погиб летом 44-го и похоронен под Витебском, в братской могиле. Ни у Ариадны, и у Георгия не было детей, поэтому у поэтессы с мировой славой не осталось прямых потомков.

Специалисты по творчеству и биографии одной из самых неординарных поэтесс Серебряного века любят повторять, что всю жизнь сердце Марины Цветаевой принадлежало ее мужу Сергею Эфрону. Свой брак Марина предсказала еще задолго до встречи с супругом, пообещав, что выйдет замуж за того, кто подарит ей любимый камень. Эфрон при первой встрече преподнес Цветаевой сердоликовую бусину, и с того момента судьба обоих была предрешена.

На протяжении многих лет Марина делала жизнь Сергея практически невыносимой: постоянные скандалы, бурные романы на стороне и даже попытки разорвать отношения. Более того, до сих пор так и не установлено, кто был настоящим отцом сына Цветаевой — Мура. Наверняка известно только одно: близкий круг поэтессы был уверен, что своим рождением мальчик обязан другу Эфрона Константину Родзевичу — одному из любовников Марины. Эфрон, однако, этот факт отрицал и был предан супруге до последних дней.

4) СМЕРТЬ

В годы эмиграции семья Цветаевой оказалась на грани нищеты. Сергей на тот момент уже был болен и работать не мог, Георгий только недавно родился. Ариадна занялась вышивкой шляпок, но это не было спасением. Единственным доходом семьи стали незначительные гонорары, которые платили Марине за прозу и эссе. Цветаева понимала, что они медленно умирают от голода, и решила на обращение в посольство СССР. Все взрослые члены семьи подавали прошение о возврате на родину. В 1937-м разрешили вернуться Ариадне, спустя шесть месяцев сбежал из Парижа Эфрон, потому что над ним нависла угроза ареста. Его обвиняют в соучастии в политическом убийстве. Прошло немного времени, и вернулись Цветаева и Георгий. Но радость от встречи с родиной, скоро стала настоящей трагедией. Первой арестовали Ариадну, после нее Эфрона. В общей сложности Ариадна отбыла в лагерях пятнадцать лет, и была реабилитирована в 1955-м. А вот мужа поэтессы ждала иная участь — он был расстрелян в октябре 1941-го.

Но об этой трагедии Марина так и не узнала. В начале Великой Отечественной войны Цветаева и Георгий были эвакуированы в Елабугу. Нужна была временная прописка, а для этого нужно было иметь работу. 28 августа 1941-го Марина написала заявление о приеме ее на работу на место посудомойки. А через 3 дня повесилась в том доме, куда ее поселили с сыном-подростком. Цветаева написала 3 предсмертные записки. В одной из них, адресованной любимому «Муру», она просила прощения за свой поступок, говорила о своей безмерной любви к нему и о том, что так будет лучше всем. Вторая записка предназначалась эвакуированному, в ней женщина просила помочь ее сыну. Третью поэтесса написала для тех, кто будет ее хоронить.

СИМВОЛИЧНО ТО, ЧТО КОГДА ОНА СОБИРАЛА ВЕЩИ ПЕРЕД ЭВАКУАЦИЕЙ, ПРИШЕЛ ПАСТЕРНАК, И ПРИНЕС ВЕРЕВКУ, ЧТОБЫ ВСЕ УПАКОВАТЬ. ОН СКАЗАЛ, ЧТО ОНА ТАКАЯ КРЕПКАЯ, ХОТЬ ВЕШАЙСЯ. ИМЕННО НА НЕЙ МАРИНА И ПОВЕСИЛАСЬ.

Марина Цветаева похоронена 2 сентября 1941 года в Елабуге, на Петропавловском кладбище. Но из-за того, что шла война, место ее последнего приюта так и осталось неизвестным. В южной стороне этого кладбища сестра Марины — Анастасия, нашла четыре неизвестных могилы, датируемых 1941 годом. Она установила между ними крест, надпись на котором гласила, что в этой стороне кладбища покоится поэтесса Цветаева. Это было в 1960 году, а спустя десять лет крест заменили гранитным надгробием. Анастасия Цветаева прожила долгую жизнь, и когда ей было за 90, она сказала, что

камень установлен точно в том месте, где захоронена ее сестра, и никаких сомнений в этом быть не может.

5)ХАРАКТЕР И ПОВЕДЕНИЕ

О непросто, даже жестоком характере Цветаевой ходили легенды. Семья, а в особенности мать, подарила Цветаевой ощущение собственной избранности, уникальности, и в то же время сформировала личность, абсолютно отчужденную от жизни. В большей степени от нрава поэтессы страдали самые близкие ей люди. К детям (за исключением сына Мура) Цветаева была холодна; под запретом были любые проявления доброты, нежности, не говоря уже о том, что, сдав дочерей в приют, Марина не позволила старшей, Ариадне, называть себя матерью.

Неприязнь к детям у Цветаевой проявлялась с юности. Известен случай, когда Марина, будучи еще незамужней девушкой, оказалась однажды на званом ужине в доме, где росла маленькая девочка. Малышка, стремясь напоказничать, ползала под столом и меняла местами туфли у гостей. В конце вечера обнаружилось, что «правильная» пара сохранилась только у Цветаевой. Сама Марина объяснила это тем, что проучила ребенка: «Когда она подползла ко мне в первый раз, я уколола ее булавкой в ногу. Она не сказала ни слова и только посмотрела на меня, а я — на нее, и она поняла, что я могу уколоть еще раз. Больше она не трогала моих туфель».

6)ОТНОШЕНИЯ С ПОЭТАМИ В ИГРЕ

БЛОК: в жизни Цветаевой был единственным поэтом, которого она чтит не как собрата по ремеслу, а как божество от поэзии и которому, как божеству, поклонялась. Анастасия Цветаева вспоминает об отношении своей сестры к поэту:

«Творчество одного лишь Блока восприняла Марина как высоту столь поднебесную, что не о какой сопричастности этой высоте она и помыслить не могла — только коленапреклонялась». Цветаева посвятила Блоку 21 стихотворение. Из них 12 были написаны уже после его смерти.

<https://omiliya.org/article/blok-v-zhizni-tsvetaevoi>

АХМАТОВА: лично встречались лишь однажды, чему предшествовало их многолетнее общение: поэтессы переписывались, отправляли друг другу подарки и посвящали стихи. Но были между ними и литературное соперничество, и сплетни, и даже обиды.

<https://www.culture.ru/s/vopros/byli-li-znakomy-ahmatova-i-tsvetaeva/>

МАЯКОВСКИЙ:

Попав первый раз на творческий вечер Маяковского Цветаева была очарована и оставила поэту-пролетарию письмо со словами «Люблю вас». Относилась это к творчеству или её хозяину вопрос, но вечер не оставил Цветаеву равнодушной.

Далее жизнь упростилась и дороги поэтов пересекались не так часто, хотя «взгляд каторжника» манил Цветаеву, как манит мотылька огонь свечи. Отчасти в роли свечи и пришлось сыграть Маяковскому, который приложил руку к вербовке Эфрона в органы ГПУ. Отсюда отъезд Цветаевой (Эфрон нужен был за границей, а Цветаевой не мешали с отъездом), отсюда спонтанное возвращение, нищета, поэтическое непризнание и самоубийство от отчаяния. Конец печальный, а в начале этого мрачного пути маячит глыба Маяковского.

<https://stihirus24-ru.turbopages.org/stihirus24.ru/s/marina-tsvetaeva/426-mayakovskomu>

ГИППИУС:

Гиппиус считала себя главной и в соперницах не нуждалась. А что Цветаева с её поэтической славой и огромным талантом – конкурент, Гиппиус не сомневалась. «Маринку» (так и называла!) следовало известить и настроить против неё сильных парижского литературного мира. Впервые они публично сцепились друг с другом уже через несколько недель после приезда Цветаевой в Париж. Редакция журнала «Звено» решила устроить на Рождество лирический конкурс. Цветаева прислала свои стихи, но просчиталась – в жюри были известный в то время критик Георгий Адамович... и Зинаида Гиппиус. Несмотря на то что по условиям конкурса работы шли без подписи, Адамович и Гиппиус сразу

поняли, чьи перед ними стихи. Адамович съязвил, назвав строчки «вялыми и невразумительными», «с восклицательными знаками чуть ли не в каждой строчке». Гиппиус владела молодыми умами, вливая им в уши женский яд, который никакого отношения не имел ни к поэзии, ни к нормальным человеческим отношениям.

<https://readrate.com/rus/news/marina-tsvetaeva-kak-emigrantskaya-literaturnaya-tusovka-zaklevala-poeta>

СЕВЕРЯНИН <http://severyanin.lit-info.ru/severyanin/pisma-to-severyanin/letter-2.htm>

ГУМИЛЕВ: Цветаева и Гумилев не были знакомы лично, однако судьба заочно постоянно соединяла двух современников. Гумилев - один из рецензентов первых сборников Цветаевой: «Вечерний альбом» и «Волшебный фонарь». Большой интерес проявляла Цветаева к Гумилеву как к человеку, близкому Анне Ахматовой. Гумилев был любимым поэтом Константина Родзевича и Николая Гронского, с которыми судьба тесно свела Цветаеву в эмиграции.

Смерть Гумилева Цветаева восприняла как огромную потерю для русской культуры. В прозе «История одного посвящения» она называет его «бог вдохновенным мастером», «скошенным в самое утро своего мастерства-ученичества»

МАНДЕЛЬШТАМ:

<https://omiliya.org/article/cvetaeva-mandelshtam-istoriya-odnogo-posvyashcheniya>

ЕСЕНИН:

<https://libra.nsu.ru/news/172>

7) ОТНОШЕНИЕ К СИМВОЛИЗМУ / АКМЕИЗМУ / ФУТУРИЗМУ

Набирающие популярность литературные течения: символизм, акмеизм и футуризм не привлекали внимание поэтессы. Она выбрала свой собственный путь, не поддаваясь чужому влиянию. Основными темами раннего творчества можно назвать темы Родины, любви и поэзии. Юнона Цветаева считала свои стихи средством самовыражения, поэтому искренне писала о своих чувствах. В теме любви она показала нам предчувствие, ожидание любви, разочарование, ревность, разлуку. Вершиной любовной лирики стала «Поэма горы», в которой любовь представлена, как высокое, чистое чувство. А роман «Мне нравится, что Вы больны не мной...» имеет большую популярность до сих пор.

Особое место занимает обращение к поэтам в лирике Цветаевой. Несмотря на то, что поэтесса не относилась к какой-либо литературной группировке, она ценила талант своих коллег «по цеху» и посвящала свои стихи Блоку («Имя твое – птица в руке»), Маяковскому («В сапогах, подкованных железом...»), Ахматовой, Пушкину («Петр и Пушкин») и другим. Жизнелюбие Марины Цветаевой не мешало ей размышлять о смерти, уходе из жизни. Для нее смерть – это напоминание о том, что надо любить жизнь. Важным в этой теме является стихотворение «Уж сколько их упало в эту бездну» (1913 г.) Тема России оказалась не менее важной для Цветаевой. Несмотря на отъезд за границу, поэтесса не переставала скучать по родине. К этой теме относятся стихи: «Расстояния: версты, мили...», «Тоска по Родине», «Рассвет на рельсах» и другие. Цветаева сложно переживала революцию 1917 года. Она любила Россию и русский народ и не могла спокойно смотреть на кровь, пролитую людьми в гражданской войне. Но возвращение в Россию было весьма трагичным для поэтессы. Здесь ее ожидали нищета, арест мужа и дочери. Эти события выбили Цветаеву из колеи. Она достойно завершила свою литературную деятельность стихотворением «Не умрешь, народ» и покончила с собой в 1941 году. Марина Цветаева обладала уникальным талантом сочетать архаизм и новаторство, жизнь и смерть, любовь и разлуку в своих стихотворениях. Она навсегда останется в памяти народа и будет занимать особое место в литературе.